

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

DOI 10.35775/PSI.2025.129.12.001

УДК 930.85

Г.И. МАЛЯВИНА

кандидат исторических наук,
Ставропольский государственный педагогический
институт, Россия, г. Ставрополь

Е.Н. ВОЛОДЬКОВА

кандидат исторических наук,
Ставропольский государственный педагогический
институт, Россия, г. Ставрополь

Е.В. КАЛИНИНА

кандидат исторических наук,
Ставропольский государственный педагогический
институт, Россия, г. Ставрополь

УТИЛИТАРНОСТЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КАЗАКОВ И КРЕСТЬЯН КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Статья посвящена анализу социокультурной системы Кубань-Ставрополье на рубеже XIX-XX вв. Актуальность исследования заключается в необходимости частного изучения исторических ролей казаков и крестьян в интеграции социальных и культурных связей на Северном Кавказе. Практическая значимость обусловлена возможностью использования материалов работы при дальнейшем изучении социокультурной системы и динамике, основанных на принципе утилитарности – в контексте казачье-крестьянской локальной истории. В методическом аспекте материалы работы представляют интерес для анализа особенностей и основных черт номадической культуры казаков (в курсе Истории России и истории Ставропольского края и Кубани). Важно понимать, что на формирование особой картины мира кубанцев повлияли как факторы вторичной природы, так и, разумеется, природы первичной, естественной. Кавказские горы и гидропоэтика – вот та линия истечения, по которой можно отследить трансформацию казачьих сообществ Кубанской и Лабинской пограничных линий, где осуществлялась интеграция различных казачьих групп и кавказских горцев. В результате исследования определено, что у казачества, в отличие от крестьянства,

не было нужды яростно дорожить летним рабочим днем, ввиду военной повседневности и изначальной склонности к занятию скотоводством.

Ключевые слова: *социокультурная система, казачество, крестьянство, динамика, хозяйственный тип, земельное пространство, аксиологическая форма.*

Введение. В социокультурной системе Кубань-Ставрополье занятие скотоводством, рыболовством как вторичными промыслами превалировало над земледелием и садоводством. На основе казачьих летописей и периодики можно выделить, что поведенческие реакции кубанцев во многом пересекались с типичным для кочевников поведением.

Непростой задачей является определение не только историко-культурного типа, но и хозяйственно-культурного типа, так как данные типологии объективно возможно присваивать только до Раннего Средневековья. Однако, казачество, изначально зародившееся либо в среде бродников и ушкуйников середины XII в., либо в среде переселенцев Дикого поля XIV-XV вв., уже совпадает с Поздним Средневековьем. Здесь сложно учитывать все многообразие процессов социальной динамики и культурной интеграции; с уверенностью можно говорить только о факте этногенеза кубанского казачества, наличия самостоятельной этнической системы, пассионарных признаков и субпассионариев, творческий потенциал которых лег в основу сельскохозяйственной системы и торговых отношений с другими этносами.

Обзор источников и историографии. Заявляя о себе как о представителях социокультурного подхода, мы обязаны продекларировать одну характерную особенность кочевнической культуры как целостной системы – формообразующую выборку формальных признаков. Социальные процессы в кочевническом обществе не могут протекать без принудительного подчинения; это так, но, ни один социальный институт кочевников не может являться «самоорганизующимся» в прямом смысле слова. Кочевники, как и казаки, обладают в своем сознании долей «вольницы», и в социальной структуре общества данное явление заметно невооруженным взглядом.

Немногие соотечественники (и даже зарубежные исследователи) отважились на подвиг П. А. Сорокина в области открытия социокультурной системы, тем более на примере страны и ее отдельно взятых регионов. Из историографии 90-е гг. можно отметить две работы – это В.И. Чурсина [16. С. 213] и С.Н. Савенко, [6. С. 9-10] где отдельные части исследовательского дискурса затрагивают природу кочевничества, кочевнической культуры казачества. Первая четверть XXI практически полностью обошла стороной кочевническую концепцию в отношении казаков-кубанцев, не считая исследования В.Г. Толстого «Историческая памятка Кубанского полка Кубанского казачьего войска» [13] и статью Н.А. Гангур «Материальная культура Кубанского казачества» [1. С. 72]. Данные труды представляют наибольшую ценность в исследовательском дискурсе.

Источники по исследуемому периоду представлены, прежде всего, периодической и справочными материалами. Здесь важно отметить «Кавказский сборник,

издаваемый по указанию его императорского высочества главнокомандующего Кавказскою Армиею» [4], «Очерки истории Кубани с древнейших времен» [5] и «Сборники сведений о кавказских горцах» [7-10]. Наиболее полным и достоверным можно назвать ставропольское издание конца XIX в. «Северный Кавказ» [14], в котором рассматривались как вопросы регионального уровня, так и специфика повседневной жизни казаков и крестьян.

1. Социокультурная система Кубань-Ставрополье. Социокультурная система кубанцев и казаков-ставропольцев формировалась в рамках утилитарности, взаимоотношений, основанных на выгоде и видимом следовании за традициями, но не с аксиологической позиции, а по привычке. Чтобы показать это более наглядно, обратимся к ядру социального и культурного элементов южно-русских станиц, рассматривая утилитарную сторону исторических событий [4].

На рубеже XIX-XX вв. общий земельный фонд Кубанской области составлял свыше 7,1 млн десятин, 91% участков с пригодной для распашки земель принадлежали казакам и разночинцам, выделившимся из казачьей среды [12; 14]. Благополучие городских жителей было таким же, как в Астраханской губернии, уровень социальной жизни превосходил многие внутренние губернии (если брать в расчет довольство среднестатистического жителя). Благополучие деревенских, станичных, хуторских жителей и переселенцев считалось «приемлемым» или «удовлетворительным» [20].

На основании статистических данных о крестьянах-землепашцах как о преобладающей структуре Кубанской области и аграрного региона Кубани говорить не приходится, так как практически каждый крестьянин находился в зависимости от казаков-работодателей. Государственные крестьяне к концу XIX в. перебираются в Ставропольскую губернию, и в этом ключе стоит упомянуть, что также на рубеже веков резко увеличились случаи аренды, покупки небольших земельных участков иногородними крестьянами (что на сегодняшний день является достаточно популярным предметом исторического исследования) [10. С. 15].

Молодая буржуазия Кубани, владевшая землями и целыми поселениями в Закавказье, обеспечивало треть экспортной и импортной торговли. Особенно плодотворно заключались сделки между внутренними городами – Екатеринодаром и Новороссийском (Черноморья) [3].

Торговые пути из Кубанской области были проложены как в соседние области и губернии, так и в те, которые находились за пределами социального и культурного взаимодействия казачьих групп и сообществ.

Кубанская область активно развивалась и за счет торговли с греческими и армянскими купцами. Следствием расцвета торговли стал демографический взрыв. К концу XIX века численность населения превысила 1900000 человек. Кубанская область существенно выделялась по размеру территории по сравнению с соседними губерниями и областями, что было обусловлено как природно-климатическими, так и национальными, конфессиональными факторами. Большая территория притягивала крестьянство внутренних губерний, но, переселяясь на Кубань, многие землепашцы были вынуждены вскоре искать себе

жилище на Ставрополье. Данная тенденция была актуальна как для 60-х гг., так и для конца XIX в. Если в пореформенное десятилетие расселение крестьян на Кубани сдерживалось войсковым правлением, то в изучаемый период сами казаки без поддержки администрации вытесняли крестьян за пределы Кубанской области. Закон от 29 апреля 1868 г. «О дозволении русским подданным невоинского сословия приобретать собственность в землях казачьих войск» *de facto* никогда не имел реальной силы на территории кубанских казаков [6].

Конечно, нельзя говорить о том, что поток иногородних удалось сдержать. Напротив, казаки приложили все усилия для того, чтобы крестьянство не получило собственных земель, но стало переходить под влияние станичного правления или частных лиц. Действительно, крестьяне в подавляющем количестве случаев переселения семьями нанимались к казакам (что характерно: аксиоформа найма в семью «богача» из Кубанской области считалась «престижнее», чем, например, сближение с помещиком Ставропольской губернии).

В последней четверти XIX в. волна иногородних крестьян затронула практически все станицы Кубанской области.

Несмотря на трудности в переселенческом процессе, и, можно сказать, в борьбе казаков с активизацией крестьянских общин, их аксиоформами, присутствие номадического актуализма в сознании казаков становится все более ощутимо [8]. Слабость помещичьего землевладения и низкий уровень авторитета помещиков по сравнению с авторитетом казаков в Кубанской области привел к тому, что все вопросы местного землепользования, так или иначе, проходили через войсковое правление и непосредственно атаманов [9]. Различные пособия и льготы только укрепили власть и влияние казачества в области, сделав их первостепенными по сравнению с теми условиями, которые в центральных губерниях смотрели на казаков сверху вниз [10].

«Служилые льготы» привели в движение казачью «систему сдержек и противовесов», особенно, в отношении служилого казачества лабинских полков. Российская империя в лице Александра II и затем Александра III была заинтересована в развитии сельского хозяйства на Кубани и Ставрополье, вот только немногие из ближайшего окружения императоров представляли себе то, как казаки воспринимали окружающий мир, как относились к крестьянству и на что готовы были пойти, чтобы защитить свою этническую и социокультурную систему от воздействия со стороны инокультурного феномена [14. С. 115].

2. Интеграция казачества и крестьянства. Казаки Ставропольской губернии после отделения от нее Кубанской области в 1860 г. избрали свой собственный путь развития, заметно отличавшийся от кубанского. На Ставрополье в период его заселения крестьянами из внутренних губерний активно развивалось в равной степени и скотоводство, и земледелие, даже при том, что ставропольские земли были не настолько плодородны, как земли Кубанской области в целом и Прикубанской низменности в частности. С другой стороны, на Ставрополье не были распространены болотистые земли, глиноземы, которые во многом мешали созданию целостной системы ведения сельского хозяйства. Чернозем

присутствовал в избытке, практически в том же количестве, что и в Кубанской области. Отсюда – ранняя специализация казачьих и крестьянских промыслов и спецификация уездов и аграрных районов [17. С. 791].

Социокультурная система ставропольского казачества была в большей степени связана с влиянием горских и тюркоязычных племен, среди которых особое место занимают ногайские. Именно ногайцы являлись трансляторами культурных традиций номадизма, актуализировали в исторической памяти казаков Ставрополя те ценностные аттракторы и культурные концепты, которые были давно утеряны или забыты в динамике вариантов этнического контакта [11]. Несмотря на закладку основ фабричных промыслов, они оставались малоразвитыми вплоть до второй половины 70-х гг., что было обусловлено, во-первых, спецификой всей губернии в целом, ее направленностью на расширение земледельческих диспозиций, во-вторых, тем, что между казаками и крестьянами здесь отсутствовала идиосинкрязия как таковая [12]. Следствием этого явилось то, что и казаки и крестьяне в одинаковой степени обеспечивали рост товарности хозяйства и развитие местных промыслов (роль казачества превалировала только в рамках шелководства, виноградарства и виноделия, частично – садоводства, роль крестьянства – только в рамках пчеловодства) [15].

Классовая структура Ставрополя кажется односторонней, на самом деле, именно здесь братья Лаврентий и Федор Демины и барон Ф.Р. фон Штейнгель открывают первые крупные заводы, вырывающиеся вперед по темпам роста по сравнению с Кубанской областью. Возможно, этот факт является поводом считать, что внутрислоежное сущее, комплиментарность казаков и крестьян на Кубани задерживали выделение новых классов [1. С. 72]. Так или иначе, именно на Ставрополье в 70-е гг. происходит окончательный переход социально-экономических отношений к капиталистическому типу. Ставрополье, по сути, даже в большей мере выражало потребность в таком переходе, чем Кубанская область. Мы не можем говорить в полной мере об активной деятельности, целесообразности таковой в рамках инерции субпассионариев. Казаки-наймиты по большей части в это время исполняли роль «цензоров», сохраняя невыгодный в контексте развития губернии феодально-крепостнический порядок, отжившую себя форму хозяйственно-культурного типа. Богатые и обширные территории дали возможность казакам примерить на себя роль дворян-помещиков, с тем лишь отличием, что казаки не привыкли проводить время в безделье или на светских мероприятиях (последнее даже вызывало негативизацию в коллективном сознании общин). Сам факт малочисленности крепостных при видимом развитии экономики и бурно развивающихся социальных институтах говорил о том, что в губернии присутствовали объективно необходимые условия для того, чтобы Ставропольская губерния обогнала по темпам производства Кубанскую область, но этого не произошло ввиду издержек, связанных с противоборством сословий (противоборством не классов, как полагали советские историки, а именно сословий, столкновение которых было выражено в социокультурном, ментальном аспектах) [16].

Несмотря на нестабильность в социуме, Ставропольская губерния характеризовалась большим количеством субпассионариев – гармоничных особей, обладавших достаточным творческим потенциалом для возникновения пассионария-вождя или пассионария-героя. Как известно, появление таковых возможно только в условиях пассионарной индукции, а появление пассионария – только в сложных условиях воздействия космических, природно-климатических, географических сил и высочайшей социокультурной динамики, когда творческий потенциал становится для личности даже важнее, чем инстинкт самосохранения. Однако, гораздо более распространенным является случай негативной пассионарности, которую мы можем наблюдать на примере бродников и ушкуйников, когда выброс энергии живого вещества приводит не к регенерации биосферы и социума, а к появлению «бродяг», «бродяг-солдат» и «вырожденцев», разновидностей субпассионариев, которые не способны высвободить свою энергию на пользу всего этноса, но обладают достаточными силами для изменения состояния станичного мира [14].

Чем была обусловлена негативная пассионарность на Ставрополье во второй половине XIX века? По большей части, переселением крестьян из разных губерний, а также процессом оказачивания – то есть, массовым переходом неиногородних и неавтаркированных (на уровне взаимодействия с богатыми семьями) крестьян в казачье сословие. Впрочем, имели место и менее очевидные факторы.

Негативная пассионарность как цельный динамический процесс легко пришла в движение на этапах подготовки и проведения крестьянской реформы, ее распространения на Ставрополье, где факт принятия известия, пожалуй, оказал большее воздействие на социальную динамику и культурную интеграцию, чем возможность для крестьян стать лично свободными, тем более, что крестьянство южнорусских губерний и так составляло исключение. Многие крестьяне не зависели ни от помещиков, ни от именитых торговцев, а служба по найму у казаков не влекла за собой формирования негативных эмоциональных концептов, аксиоформ. Конечные результаты крестьянской реформы были связаны и со спецификацией местных дореформенных условий оформления хозяйственно-культурного типа, а именно – с ярко выраженным стремлением казаков получить дополнительную выгоду для себя и для круга, сформировать иное внутрисословное существо [14].

В необходимости пересмотра качественных и количественных характеристик работы учреждений, которые должны были ускорить и упростить проведение крестьянской реформы, прослеживалось сближение моздокского коменданта, начальника Кубанской области и губернатора Ставропольской губернии. Несмотря на политико-экономическую поддержку, представителям зажиточного крестьянства тяжело было пойти на контакт с местной администрацией, как результат – сближение казачества и крестьянства на Ставрополье, отдаление казачьего большинства Кубани от крестьян, их интеграция с иногородцами и иноземцами. В обусловленном этим обстоятельством уровне производства

угадывалось снижение социальной мобильности. Чтобы обеспечить социальную защищенность, губернатор шел на уступки крестьянству, но его опасения по поводу роста крестьянских волнений не оправдались. Автаркия кубанского казачества в итоге сыграла на руку крестьянскому земледелию на территории Ставрополья [8; 9].

Другой вопрос – техническая сторона развития сельского хозяйства в Ставропольской губернии. В широкой распашке земель многие казаки и крестьяне видели возможность разработки специализации районов для производства конкретных зерновых и бахчевых культур. Кубанская область, обладая столь же большим потенциалом, многоземельем, имела такую специфику: каждые три года земля для распашки казаки и крестьяне оставляли землю, без удобрения и дополнительной обработки, через год земля зарастала травой и использовалась для луговодства и скотоводства. Данная практика была абсолютизирована для Кубанской области, а в Ставропольской губернии жители старались адаптировать фактически безграничные возможности многоземелья и крайне высокого уровня урожайности под постоянную инвентю в земледелие. В последней четверти XIX в. большая часть ставропольского казачества также стала проводить специализацию сельскохозяйственных районов, что привело к сокращению разрыва между этническим полем и хозяйственно-культурным типом [17].

Стоит еще отметить, что на Ставрополье раньше получило распространение применение сельскохозяйственных машин, развитие промышленного производства и транспортной инфраструктуры, что в итоге позитивно отразилось на росте товарности сельскохозяйственной продукции в целом. Картина экономического мира Ставропольской губернии была включена во всероссийский и, частично, в мировой рынок. В 70-80-е гг. здесь массово возникают немецкие поселения, отстраиваются палатки странствующих торговцев из греческих полисов и Закавказья. Перестройка аграрных отношений сразу же отразилась на структуре сельскохозяйственного производства. Когда резко сократилась площадь дворянского землевладения, выделилась роль казачества и зажиточного крестьянства в приобретении самых лучших земельных участков; казаки получили возможность развить отношения купли-продажи, заняться арендодательством. Крестьяне стали активными участниками сельскохозяйственных и торговых отношений с другими сословиями, хотя, вместе с тем, усилилась социальная, имущественная дифференциация населения губернии в целом и крестьянства в частности [1].

Здесь важно учитывать и то, что наличие дешевого арендного фонда земель номадов заметно ускорило динамику формирования крупных хозяйств предпринимательского типа, обеспечивавших продовольствием одну шестую часть населения губернии. Новые сельскохозяйственные орудия открыли для номадов возможность вступить в новые типы сельскохозяйственных и культурных отношений, укрепить свои копулы, образы присутствия и социальные связи. Казаки и зажиточные крестьяне, снабжая орудием номадов, получали взамен дешевую рабочую силу и новые районы товарного производства различных

сельскохозяйственных культур, таких, как: картофель, лен, подсолнечник, конопля, тыква, бахчевые культуры и пр. [15]

В объемах производства новые культуры со временем вытесняли усвоенные зерновые – пшеницу, ячмень, просо, рожь и т.д. Значительная часть посевных площадей Ставрополя была занята озимой пшеницей, в меньшей степени – яровой, на втором месте по распространенности оставались все прочие зерновые культуры, затем – культуры на продажу, преимущественно, бахчевые и технические. Садоводческие и огороднические культуры были распространены обычно среди казаков, крестьяне использовали их только для личного употребления, продаж внутри общины, в крайнем случае – в пределах уезда. Постоянный прирост объемов продаж товарного хлеба в итоге не привел к монокультурной специализации [14].

Выводы. Таким образом, размещение и трудоустройство жителей Кубанской области и Ставропольской губернии было связано со специфическими традициями и взаимоотношениями между казачеством и крестьянством. Содержание экономических процессов и социальной динамики изменилось, их протекание заметно ускорилось и привело к культурной интеграции. Решающее значение имела торговля с внутренними губерниями и иностранными купцами, а также массовый экспорт зерновой продукции, товарного хлеба по Владикавказской железной дороге. С такими противоречивыми и неоднозначными предпосылками развивалось пространство Кубани и Ставрополя в последней четверти XIX в. То, о чем еще не было сказано, это появление железнодорожного сообщения в Кубанской области и Ставропольской губернии. Благодаря высокому уровню логистики и качеству путей снабжения, многие города и крупные станицы стали превращаться в центры сельскохозяйственного и промышленного производства. Укрепился внутренний и внешний рынок. В частности, Астраханско-Кубанская железная дорога и Новороссийский морской порт стали той точкой опоры, вдоль которой в конце XIX в. стали возникать новые меновые дворы и степные ярмарки, соперничавшие со стационарной оптовой и розничной видами торговли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Гангур Н.А.** Кубанский след баронов фон Штейнгель: из прошлого и настоящего имения «Хуторок» / Н.А. Гангур, Л.А. Жданова // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 4.
2. **Долговая Е.И.** История Ставрополя в отчетах губернаторов (1804-1914 годы): Сборник документов / Под ред. Е.И. Долговой. Ставрополь: Бюро новостей, 2013. 504 с.
3. **Кавказский календарь.** Тифлис: Глав. упр. Кавказского наместника, 1845-1916 на 1897 год; 52-й год. 584 с.
4. **Кавказский сборник,** издаваемый по указанию Его Императорского высочества главнокомандующего Кавказскою Армиею. Т. 13. Электрон. текст дан. (489 Мб). Ставрополь: ГБУК им. Лермонтова, 2017.

5. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996. 656 с.
6. **Савенко С.Н.** Список основных научных и газетных публикаций Н.Н. Михайлова // Археология и краеведение Кавминвод (материалы I региональной конференции. Кисловодск: КФ СГОКМ, КНИФЦ «Великий шелковый путь», ККО, 1992.
7. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Канцелярии Главнокомандующего Кавказскою армией при Кавказском горском управлении, 1870. Вып. 3. Электрон. текст дан. (174 Мб). Ставрополь: ГБУК им. Лермонтова, 2017.
8. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Канцелярии Главнокомандующего Кавказскою армией при Кавказском горском управлении, 1870. Вып. 4. Электрон. текст дан. (171 Мб). Ставрополь: ГБУК им. Лермонтова, 2017.
9. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Канцелярии Главнокомандующего Кавказскою армией при Кавказском горском управлении, 1871. Вып. 5. Электрон. текст дан. (174 Мб). Ставрополь: ГБУК им. Лермонтова, 2017.
10. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Канцелярии Главнокомандующего Кавказскою армией при Кавказском горском управлении, 1873. Вып. 7. Электрон. текст дан. (174 Мб). Ставрополь: ГБУК им. Лермонтова, 2017.
11. Святого отца нашего Иоанна, архиепископа Константинопольского, Златоустаго, беседы на деяние апостольские. Части I-II / Проповедник Ириней. Москва: Университетская тип. Новикова, 1784. 318 с.
12. **Смирнов М.** Очерк хозяйственной деятельности Ставропольской губернии к концу XIX в. Ставрополь: Ставропольский губернский статистический комитет, 1913. 91 с.
13. **Толстов В.Г.** Историческая памятка Кубанского полка Кубанского казачьего войска. 1732-1912. Екатеринодар: тип. Куб. обл. правления, 1912. 27 с.
14. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. Электрон. текст дан. (15,2 Мб). Ставрополь: ГБУК им. Лермонтова, 2013.
15. Указ императора Николая I «О именовании Кавказской области Ставропольскою губерниею». Полное собрание законов российской империи. Т. XXII. Отд. 1. СПб., 1848.
16. **Чурсина В.И.** Духовная жизнь славянского населения Кубани конца XVIII – XX вв.: динамика и традиции народной культуры: дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ставрополь, 2005.
17. **Kalinina E.V., Volodkova E.N.** History of silkworm breeding on the territory of the Stavropol province. A.F. Rebrov's role in the formation of Russian silkworm breeding // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 3 (84).

E. V KALININA

Candidate of Historical Sciences
Stavropol State Pedagogical Institute,
Stavropol, Russia

G. I. MALYAVINA

Candidate of Historical Sciences
Stavropol State Pedagogical Institute,
Stavropol, Russia

E. N. VOLODKOVA

Candidate of Historical Sciences
Stavropol State Pedagogical Institute,
Stavropol, Russia

THE RELATIONSHIP UTILITARIAN NATURE BETWEEN COSSACKS AND PEASANTS AS A BASIC PRINCIPLE OF THE FUNCTIONING OF THE KUBAN AND STAVROPOL SOCIOCULTURAL SYSTEM AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

This article analyzes the sociocultural system of the Kuban-Stavropol region at the turn of the XIX-XX centuries. The relevance of this research lies in the need for a specific study of the historical roles of Cossacks and peasants in the integration of social and cultural ties in the North Caucasus. Its practical significance stems from the potential for using the study's materials in further studies of the sociocultural system and its dynamics, based on the principle of utilitarianism, in the context of Cossack-peasant local history. From a methodological perspective, the study's materials are of interest for analyzing the characteristics and key features of Cossack nomadic culture (as part of the History of Russia course). It is important to understand that the formation of the Kuban people's distinctive worldview was influenced by both secondary factors and, of course, primary, natural ones. The Caucasus Mountains and hydro-poetics provide the basis for tracing the transformation of Cossack communities along the Kuban and Labinsk borderlands, where various Cossack groups and Caucasian highlanders integrated. The study found that the Cossacks, unlike the peasantry, had no need to cherish the summer working day, due to the military routine and their initial inclination to engage in livestock breeding.

Key words: sociocultural system, Cossacks, peasantry, dynamics, economic type, land space, axiological form.